

Он маялся...

Он метался в замкнутом пространстве теплохода «Русь», плывущего по Волге, маялся на этой веселой, шумной и затянувшейся актерской тусовке — фестивале «Созвездие-92». Здесь он был только гость, не член оргкомитета, не член жюри, актер без фильма на кинофестивале. Даже «Прорва», где у Петра Зайченко есть замечательная, броская, выигрышная эпизодическая роль грубоватого, хамоватого и хитрого сталинского военачальника, инспектирующего подготовку к праздничному параду, в программу фестиваля не попала и, конечно же, как нынче водится, большинству коллег была неизвестна. А последнюю его большую работу во французском фильме Габриэля Лившица «Крапачук», наделавшем много шума на Берлинском кинофестивале и получившем Гран-при на фестивале в Карловых Варах, вряд ли мы увидим скоро.

Он не то чтобы стеснялся или сторонился своих московских коллег, он просто не хотел состязаться с ни-

ми в раскованной непринужденности, в хорошо отработанной светской оживленности и приподнятости, которая дается опытом быть всегда на виду, умением, как бы не замечая публики, краем глаза следить и корректировать себя в зависимости от производимого на нее впечатления. Он томился, он искал свой стиль, выдавая себя то за скромного молчаливника, то за провинциального интеллигента с душой чеховского героя, то за народного простака-недотепу. Свой отличный заграничный костюм, купленный в одном из самых престижных и дорогих магазинов Мадрида (ведь за рубежом нашей благословенной Родины ему как кинозвезде не пристало ходить в иные магазины), он надел лишь на пятый или шестой день фестиваля. До этого, храня образ своей неброской скромности, Петр Зайченко мог позволить себе лишь черный свитер.

Если вспомнить роли Петра Зайченко в «Параде планет», «Такси-блюзе», то понимаешь, что этот актер не сразу допускает к зерну, внутренней сути своих персо-

нажей. Избегая мелкой, суетной характерности, он тем не менее как бы отвлекает зрителей густой внешней оболочкой, раскрытием простых и выпуклых черт. От этого его герои вызывают не столько сочувствие и сопереживание, сколько удивленный интерес. Зайченко крепко чувствует плоть своих героев, плоть звука и движения. Он очень конкретен, даже предметный мир в фильмах, где он участвует, приобретает убедительность реальной жизни. При этом и внешняя плотность, и конкретность воспринимаются как защитный слой, рождают тревожащее, беспокойное ощущение: а что же за ними? — заставляют подозревать и открывать в его героях внутреннее брожение хаотичных, обостренных и отчаянных мыслей, тайных и опасных страстей.

Так и в жизни, поддавшись успокоительной ровности и весомости его интонаций, мягкой, открытой улыбке, нет-нет, но ловишь себя на мысли: не дай Бог, если этот человек сорвется. От него так и ждешь непредсказуемой, неуправляемой бури.

— Петр Петрович, вы сейчас работаете в театре!

— Нет.

— Но вы же всю жизнь были театральным актером!

— Да, после того, как закончил театральное училище, сразу пошел работать в Волгоградский драматический театр имени М. Горького. Сегодня его не существует. Театр расформировали.

— Значит, помимо кино, у вас остались лишь чтецкие программы!

— К сожалению, их тоже нет. Волгоградскую государственную филармонию прикрыли.

— Вы безработный!

— По существу, да. «Волгоград-концерт», который отчасти заменил филармонию, содержит меня на скромнейшем окладе, нормальных концертов у меня нет. Самое лучшее, на что я могу рассчитывать, выступление на какой-нибудь плавучей танцплощадке. Люди «круто» отдыхают, а ты их развлекай. Но развлекать их лучше другим жанром, не серьезной же литературой.

— Давайте о хорошем. Расскажите о вашем последнем фильме, ведь он был прекрасно встречен в Европе.

— «Крапачук» — картина о двух славянах, которые, попав в Париж, никак не могут вернуться на родину, потому что у них украли документы, и никто не знает, где находится их страна Прожевица. Они случайно попадают даже на заседание ООН, а там, как всегда, русские что-то делают с американцами. И вдруг кто-то говорит, что в Прожевицах есть долина Крапачук — здесь и надо строить военную базу. Тогда наши герои-славяне не выдерживают и возмущаются: мол, Крапачук — это не долина, а горы, наши родные горы. Потом их начинают преследовать полиция и так далее. Это комедия, отчасти грустная. Я исполняю роль, которая называется Человек. Моим партнером был известный бельгийский актер Ги-Пюи (он имеет свой театр, где сам ставит спектакли и сам играет). Одну из главных ролей в фильме играет Анхела Молина, она известна как бунюэлевская актриса. Я все подшучивал над нашим сценаристом и режиссером Энрике Габриэлем Лившицем: «Ты огород собрал какой-то — малину да пионы».

— Я видел по телевидению интервью с Лившицем, он говорил по-русски. У него российские корни!

— Его бабушка жила в России. Съемки проходили во Франции!

— В трех странах, в трех столицах — Париже, Мадриде, Брюсселе. Но началось все очень забавно. Когда я вылетел из России в Брюссель, где меня должны были встретить, в аэропорту меня сразу задержали и отправили в «отстойник» до выяснения моей «личности». Дело в том, что когда Габриэль мне звонил в Волгоград, то просил не стричься и не бриться, захватить побольше наших «славянских» вещей, которые им трудно было достать в их за-

рубежье, просил обязательно захватить чемодан «волгоградского типа». И когда я вышел в аэропорту, то сразу оказался подозрительным. Таможенник смотрит на меня и говорит: «Мани». Я ему показываю 25 рублей. Он говорит: «Это не «мани», и отправил в отстойник. А там какие-то подозрительные арабы, еще кто-то, спекулянты со всего мира. Языком я не владею. Ждал достойную встречу как кинозвезды, а здесь такое! Хорошо, были какие-то поляки, которые меня узнали. Показывают на меня и говорят: «Это тот, что в «Такси-блюзе» играл».

— Приятно было, что узнают!

— Мало сказать — приятно, они меня выручили. «Крапачук» сняли быстро, за семь недель. Смены были по двенадцать часов.

— Вы были на премьере фильма!

— Нет. Премьера была в Мадриде 29 августа. В ночь на 28 августа мне позвонил Габриэль и говорит, что в Москве в испанском посольстве меня ждет виза, а в авиакомпании билет. Это у них все так быстро. Виза ведь только испанская, а нашу выездную сколько бы ждать пришлось. Вот я и не полетел. Возможно, на премьеру в Париж все-таки по- паду.

— Ведь вы из деревни, как вообще вам пришло в голову стать актером!

— Дедушка мой Пантелей Иванович очень тянулся к культуре. Когда погибли мой отец и его брат, моим воспитанием, по существу, занимался дед. Он очень хотел, чтобы я стал учителем. Дедушка очень любил слушать по радио передачи «Театр у микрофона», мхатовские постановки. Я помню, когда он выписал патефон, то появилось много пластинок. Не каких-нибудь, как сейчас «Ксюша, Ксюша, Ксюша, никого не слушай...», а пластинки Шалыпина, Неждановой, серьезную музыку. Плохой литературы в доме не было, читали Мамину-Сибиряка, Толстого. Обычно бабушка вяжет, дедушка сапоги шьет, а я им читаю. Вот появилась у меня тяга к актерству. В бывшем Сталинграде актерского училища не было, и я поступил в музыкальное, а поскольку музыкальной грамотой не владел, хотя голосок у меня был, то потом пошел в культпросветучилище, а, отучившись год, поехал в Саратов и сразу поступил в театральное. Так что в театр попал благодаря дедушке. А сейчас жаль, что, живя в Волгограде, мы почти не видим того, что видите вы, москвичи, многое очень важное и нужное для актера пропускаешь, не знаешь. После показа «Такси-блюза» в Канне ко мне подходит и поздравляет Настасья Кински. Вадим Абдрашитов говорит: «Ты хоть знаешь, кто это?» Отвечаю: «Нет». Откуда знать, если ее никогда не видел.

— Кино началось для вас с «Па-

рада планет» Вадима Абдрашитова!

— Я считаю, что кино началось для меня с Шукшина. Василий Макарович вызывал меня на пробы и поставил на актерский учет на «Мосфильме». Но сняться у него я уже не успел, он умер на пароходе на съемках «Они сражались за Родину». Тогда Василий Макарович готовился ставить картину «Я пришел дать вам волю». Я очень любил Шукшина. И поступив в Саратовское училище, стал активно его пропагандировать, в то время его туго признавали и знали плохо. А уже на втором курсе все стали делать отрывки по произведениям Шукшина. И вот после проб у Василия Макаровича только через восемь лет меня пригласил Вадим Абдрашитов сниматься в «Параде планет». А потом опять восемь лет был перерыв. Потом Павел Лунгин, который как сценарист был знаком с Александром Миндадзе и когда-то был на премьере «Парада планет», пригласил на роль в «Такси-блюзе».

— Какие из комплиментов прессы вам запомнились, нравятся и отвечают вашим представлениям о себе!

— Мне нравилось, что после показа «Такси-блюза» в Канне многие и французские, и американские журналисты писали, что хотя вроде бы материал фильма далек от Достоевского, в моем пер-

сонаже, в моем Шлыкове есть боль Достоевского. Писали, что я играю не злодея, а мучающегося человека.

— Поскольку вы упомянули имя Федора Михайловича Достоевского, то думается, вашей могла бы стать роль Рогожина в «Идиоте». Какие классические роли, литературные персонажи могли бы стать вашим материалом, какие из них уже прошли мимо!

— Я же не мог сам открыть для себя театр. Как театр одного актера я сделал «Холстомера» Льва Толстого, «Ширококобый» Фазиля Искандера — спектакль об истории буйвола. На волгоградском телевидении записал «До третьих петухов» Шукшина, «Облако в штанах» Маяковского. Смешно, но меня дважды толкали на состязание с Михаилом Ульяновым на роль маршала Жукова. Намечался фильм о Халхин-Голе, а потом Наумов пробовал меня на роль в картине «Десять лет без права переписки». Он долго разглядывал фотографии Жукова, думал, что же в нас разное. А я ему говорю: «Паек у нас разный. У него маршалский, а у меня — актерский». Я же худой, а Жуков никогда худым не был.

— В «Прорве» у вас вполне генеральская роль.

— Там скорее мой персонаж — адъютант маршала или главнокомандующего. Мне нравится, как там все придумано Надей Кожушаной. Кстати, когда меня на Западе журналисты спрашивали, что бы я хотел сыграть, каких актеров считаю достойными для подражания, я называл Шукшина, но иногда, поскольку они плохо знают наше кино, говорил, что хочу соединить в себе несоединимое — Жана Габена и Жерара Филипа.

— Какие из предложений вас сегодня «греют»!

— Реальных предложений нет. Есть три проекта фильмов, куда меня приглашают на главную роль, но режиссеры пока заняты поисками средств. Найдут ли, неизвестно. Признаться, есть очень заманчивый проект у режиссера, уже семь лет живущего в Париже, Игоря Минина, который поставил нашумевший фильм «Первый этаж». Он дал прочитать Иззель Юппер рассказ Евгения Замятина «Наводнение». Очень сильный рассказ, который ей понравился, и она хотела бы сниматься со мной. Но есть сложности: западные продюсеры опасаются делать совместные постановки, ведь у нас все так ненадежно. Поэтому сейчас живу ожиданиями. И вот, кстати, к финалу нашего разговора стихи вспомнил хорошего современного поэта Дмитрия Пригова, он снимался в эпизоде «Такси-блюза»:

Нам все грозит свобода,
Свобода без конца,
Без выхода, без входа,
Без матери, отца.
По середине Руси,
За весь прошедший век.
И я ее страшусь,
Как честный человек.

Беседу вел
Петр КУЗЬМЕНКО.

● Петр Мамонов и Петр Зайченко.

